

Святитель Григорий Богослов

На женщин, которые любят наряды

Не стройте, женщины, на головах у себя башен из накладных волос, не выставляйте напоказ нежной шеи, не покрывайте Божия лика гнусными красками и вместо лица не носите личины. Женщине неприлично показывать мужчинам открытую голову, хотя бы золото вплетено было в кудри или несвязанные волосы, как у скачущей менады, развевались туда и сюда нескромными ветерками. Ей неприлично носить наверху гребень наподобие шлема или видную издали мужчинам и блестящую башню. Неприлично и то, чтобы сквозь тонкий лен просвечивали твои волосы, вместе покрытые и открытые, и, сияя как золото, где сбежало покрывало, выказывали мастерство твоей трудившейся руки, когда, поставив перед собой слепого наставника — бездушное изображение своего лица, с его помощью писала ты свою красоту.

Если природа дала вам красоту, не закрывайте ее притираниями, но чистую храните для одних своих супругов и не обращайтесь на постороннего жадных очей, потому что вслед за очами неблагочинно ходит и сердце. А если при рождении не получили вы в дар красоты, то избегайте второго безобразия, то есть не заимствуйте красоты у рук — красоты, которую доставляет земля, которую распутные женщины покупают, и покупают за несколько олов, красоты, — которая стирается и стекает на землю, не может удержаться на тебе во время смеха, когда веселье приводит в трепет ланиту, красоты, которую изобличают в подлоге ручьи слез, увлажняющий ланиты страх и уничтожает капля росы. Теперь блестят и полны прелестей твои ланиты, но вдруг (к великому смеху) являются они двухцветными, где темными, а где беломраморными. Ибо тебе, подсурмившаяся и подрумянившаяся, возможно ли удержать на себе обличаемую в подлоге красоту? Она была бы прилична на неподвижных статуях, но у тебя накладная личина разрушается от многих причин. Одно тело дано тебе Богом, а другое есть произведение твоей руки; одно ветхо, другое ново. Это луг, на котором растут попеременно цветы двух родов, и приятные и неприятные. Это двухцветная одежда, по которой идут многие полосы. Поэтому или не расписывай своего тела, или, расписав, постарайся сберечь; не прибегай к постыдным пособиям прикрашивать свой вид. Не трудись над Пенелопиной тканью, в которой надобно ночью распускать, что соткано днем: будучи внутри Гекубой, не будь снаружи Еленой.

Если и достанет у тебя хитрости сокрыть что-нибудь от супруга, хотя и не удобно Божий образ закрыть смертной личиной, то смотри, чтобы прогневанный Бог не сказал тебе так: «Отвечай, чуждая Мне тварь! Кто и откуда этот творец? Я не пса живописал, но создал собственный Мой образ. Как же вместо любезного Мне образа вижу кумир?»»

Но уступим нечто твоей болезни. Впрочем, если явно, что ты живописная картина, в которой один лик наложен на другой, то знай, что ты ставишь позорный столп, издали видный людям, когда пишешь одушевленный образ Алкиноя. Твои прелести — бесплодный Адонисов сад, цвет полипа, письмена на песке. Но походя на галку, описанную в басне, и зная, что эта птица, гордившаяся чужими перьями, вскоре ощипана и предана осмеянию, как и ты не подумаешь о последнем позоре, о пагубной красоте? Или надеешься, что твоя блистательная наружность не изменится? Но в скором времени увидишь, сколько приносит горестей чужая красота.

Спрашиваю, что пользы в накладной красоте, когда старость покроем морщинами лицо, дотоле цветущее, когда дряхлых членов нельзя закрыть никакими прикрасами и остаток плоти походит на что-то обожженное огнем и вынутое из пепла? Тогда уже поздно оплакивать обманчивую красоту, когда оставшееся, по множеству морщин, не дает места обезьяне. Такова прелесть подкрашенных членов! Но поставь теперь, превосходная, изображение своего лица, каким было оно прежде. Я не почту его верным, да и тебе прежде всего надобно пожелать, чтобы не было глаз ни у одного из тех мужчин, которые прославляли тебя некогда и не могли отвести от тебя очей, когда ты с гордой поступью расхаживала перед ними.

Смеха достойно и то, что, стараясь утаиться от мужчин, мужчин же вводишь в тайны своей красоты. Ибо те составы, которыми ты восхищаешься, приготавливали мужчины — грабители собственных своих домов, строители безумной своей страсти. Это изобретения не целомудрия, но распутства, и распутство видно во всем том, на что ты ухищряешься для мужчин. Рассказывают о гордом павлине, что когда, изогнув шею в виде круга, поднимает свои золотистые и звездами усеянные перья, тогда начинает приветливо скликать своих жен: удивительно будет для меня, если и ты подкрашиваешь свое лицо не для похотливых очей.

Если ты к супругу своему питаешь такую же любовь, какую и он к тебе с тех пор, как цветущей девой ввел тебя в брачный чертог, то сие приятно ему. Но если стараешься понравиться взорам других, то сие ненавистно твоему супругу. Лучше тебе внутри дома своего скрывать прелести, данные

природой, нежели неблагочично выставлять напоказ прелести поддельные. Ибо супругу довольно и природной твоей красоты. А если красота выставлена для многих, как сеть для стада пернатых, то сперва станешь любоваться тем, кто тобой любит, и меняться взорами, потом начнутся усмешки и обмен словами, сначала украдкой, впоследствии же с большей смелостью. Но остановись, говорливый язык, и не произноси того, что последует за этим. Впрочем, скажу за несомненное, что всякая шутка женщины с молодым мужчиной уязвляет как острое жало. Здесь все неразрывно идет одно за другим, подобно тому как железо, притянутое магнитом, само притягивает другое железо.

О, как бы хорошо натирать белилами и румянами (и еще в избытке) не женщин, но тех безрассудных мужчин, которые, ежедневно имея перед собой этот срам, сами себе застилают глаза туманом и услаждаются грехом! Они поражают злословием прекрасных женщин, сами же своими срамными делами уподобляются свиньям; а может быть, и действительно попали бы в темные свиные хлевы, если бы Цирцея помазала их тем составом, которым она людей превращала в зверей; ибо они не гнушаются прикрасами и сами подкладывают в огонь сухие дрова, когда надлежало бы их убавлять, а не прибавлять. И есть мужья, которые стараются превзойти друг друга в нарядах жен, чтобы одному пред другим иметь преимущество в неразумии. Часто и при недостаточном состоянии употребляют они все усилия, чтобы возбудить наглость своих жен. Но ты, верно, никогда не давал меча своего врагу и горному потоку не открывал пути на свои нивы.

Говорят, что по похищении небесного огня пришла к людям Пандора наказать за один огонь другим, за благодетельный — губительным. А чтобы она как можно более воспламенила людей, демоны украсили ее разнообразными красотою, и каждый из них приложил что-нибудь от себя; все же это, совокупив воедино, пустили они к людям это многосложное обольщение, это любящее пиры, увлекательное, бесстыдное, сладкоречивое услаждение, эту никогда не потухающую головню. Не верю я басням, однако же скажу с твоего позволения: не будь и ты многоличной Пандорой. Пандорин род — бесстыдные женщины. Но ты — Христов образ, и сияй целомудрием и благоразумием.

Но вот уже не басня; послушай моих советов, какие изреку тебе из пребожественного слова. Или не знаешь, как и древле твоего праотца обольстило своей доброцветностью человекоубийственное древо, и как хитрость врага и убеждение супруги и обольстили, и немедленно изринули

его из зеленеющего рая? С сего-то времени, дочь моя, такой отеческий закон — никогда не полагаться на доброзачность. Ибо всякая красота для меня кратковременная прелесть: ее приносит весна, и тотчас губит холодная зима, или преждевременно истощает болезнь, или истребляет немилосердное время, ведя за собой круг всепоедающих лет.

Очень смешно, когда женщина, имея некрасивую наружность, знает это и, гордясь своим безобразием, презирает Данаю. Но еще гнуснее (так говорят знающие, я неспособен к такому злоречию), когда все имеют общий недостаток, однако же желают скрывать его одна от другой. Что опаснее такой болезни? Плотник понимает работу плотника, искусный певец узнает искусного в пении, и вор видит вора. А женщины не хотят, чтобы другие понимали в них то, что сами понимают в других. Так справедливо то, что порок ослепляет глаза.

Но смешны мужчины, когда, любуясь доброцветностью движущихся картин, оказывают уважение лицам, над которыми сами смеются. Думаю же, что они любят не столько картинами, сколько прихотливостью мужчин, чему доказательством служат краски.

Рассказывают, что один скитался по утесам, влюбившись в пустой и не имеющий вида отголосок, называемый эхом. А другой воспылал любовью к собственному своему изображению и бросился в источник, чтобы обнять подобие гибельной своей красоты. И еще одна уязвилась любовью к прекрасным струям реки, в безумной страсти не могла отойти от милых берегов, лобзала воду, черпала ее руками и ловила пену, но и водами не могла угасить в себе пламенеющей любви. Так слепа и непреклонна любовь!

Нимало не удивительно, если и ты, расцвеченная, розоперстая, одетая в роскошные ткани и носящая высоко голову, сведешь с ума молодого человека, и даже не одного, но всякого, для кого расписываешь себе лицо. Верю, что один мудрый муж своим искусством ввел в обман тельца, изобразив красками на доске телицу. Необычайна такая любовь — живые звери стремятся к бездушным изображениям! Но и ты иногда ухищряешься возбудить то же в молодых людях. Орфей увлекал за собой зверей, а ты влечешь мужчин, у которых зверонравны ум и женонеистова жизнь.

Если ты и не покоряешься плотской похоти, а служишь только похоти очей, то и эта воздушная любовь есть уже болезнь. Но совершенно ли ты неуязвима? Готов я этому верить, но и то уже нехорошо, если молва приписывает мне и не сделанный мною грех. В таком случае, хотя сама ты и

благоразумна, но многим другим дашь урок неблагочиния. Порок течет быстро. Другие употребляют искусство, чтобы прикрыть и скверную свою жизнь, а у тебя и на целомудрии лежит какая-то чернота. Если и целомудренные станут любить наружную блистательность, то других женщин не убедишь иметь целомудренное сердце.

По учению нашего закона, не должно с похотливым желанием и очей устремлять на чужую жену, потому что бесстыдный взор — начало бесстыдной любви, и только избегающий такого взора избежит и греха. Как же ты, открывающая перед мужчинами пояс любви, сохранишь себя вдалеке от греха прелюбодеяния?

Но (старость говорлива) расскажу тебе басню, которая очень идет к вашему позору. По одному древнему преданию, в роде человеческом не различалось прежде, кто хорош и кто худ, но многие, хотя были добродетельны, почитались беззаконниками, и, наоборот, многие, хотя были безрассудны, слыли добрыми; самых бесчестных людей сопровождала слава, и совершенных преследовало бесславие, но ни тем, ни другим не было правосудия. Но не сокрылся от Царя Бога царствующий в мире грех, и, восскорбев о сем, провещал Он наконец такое слово: «Несправедливо, чтобы слава Моя была и на добрых и на злых: от сего грех еще более усилится. Посему дам им верный отличительный признак, по которому легко узнать, кто порочен». Сказав сие, ланиты у добрых покрыл он румянцем, так что при виде чего-либо постыдного тотчас разливается под кожей кровь; особенно женщин наделил Он румянцем в большей мере, потому что и кожа у них прозрачней, и сердце нежнее. Но у злых Бог сгустил кровь и сделал неподвижной во внутренности, так что и от стыда нимало не приходит она в обращение.

Куда же причислю тебя, изукрасившая свои ланиты? Для меня не важен твой румянец, хотя и до чрезмерности покрывает он твою наружность, ибо это румянец бесстыдства, отрождение того румянца, который в древности потоплен содомским огнем. Не расписывай себе лица, распутная женщина, не подделывай своего цвета; я признаю ту одну красоту, которую дала природа, потому что богатство, оставленное мне отцом, лучше того, которое собрала рука моя беззаконно, пусть оно мало, но обильнее последнего. Так и законную жену предпочитаю любодейце. Родные дети, хотя и некрасивы лицом, милее красивых, но усыновленных. Помня это, сохраняй тело свое таким, каково оно по природе, и не желай, чтобы тебя почитали инаковой, нежели какова ты в действительности.

Кельты испытывают в струях Рейна, законно рождены ли их дети. И часто золото пробуется на углях. Так о целомудрии твоего сердца заключаю по неукрашенной красоте твоего лица. Да не кладет на тебя своей печати темный велиар! Он или совершенно обратит тебя в пепел, или очернит своим дымом и за краткое наслаждение покроет позором. Не для благородных дорого золото, перемешанное с драгоценными камнями и сквозящим своим блеском поражающее взоры, в виде цепи разложенное по персям, жемчужным бременем отягчающее и обезображивающее уши или увенчивающее голову. Не для благородных дороги эти золотые одежды, эти хитрые произведения из тонких нитей, то багряные, то золотистые, то прозрачные, то блестящие. Не губительные для ланит составы, не подрумяненные уста украшают женщину. Ее красота не в том, чтобы поверх расписанных веждей носить черную бровь, заворачивать внутрь увлажненные зрачки, изнеженным голосом привлекать к себе благосклонный слух, руки и ноги стянув золотыми вожделенными и приятными для тебя узами, представлять из себя что-то рабское, тело и голову умащать роскошными благовониями (на трупы слетаются вороны) 1), жевать во рту что-нибудь не употребляемое в пищу 2), держать в непрерывном движении подбородок и, как бы из презрения к целомудренным, из зубов и из увлажненных уст точить пену. Не восхищайся блистательностью седалищ, не старайся выказывать себя сквозь искусно сделанные и сквозящие створки, высматривая тех, которые на тебя смотрят. Не гордись ни множеством слуг, ни служанками — этими подобиями твоего сердца. Вестники весны — ласточки, плодов — цветы; по служанкам можно заключать о госпоже. Размысли обо всем этом. Хотя не важно неприличие чего-нибудь одного, однако же все вместе и одно при другом — несомненная пагуба.

Один цвет любезен в женщинах — это добрый румянец стыдливости. Его живописует наш Живописец. Если хочешь, уступлю тебе и другой цвет: придай своей красоте бледность, изнуряя себя подвигами для Христа, молитвами, воздыханиями, бдениями днем и ночью. Вот притирания годные и незамужним и замужним! А красильные вещества побережем для стен и для таких женщин, в которых производит бешенство и помет молодых людей. Они пусть и скажут, и смеются бесстыдно, а нам не позволено даже и смотреть на распутных женщин.

1) Сим св. Григорий, вероятно, делает тот намек, что умащать благовонием прилично одни трупы.

2) Здесь указывается на обычай щегольливых женщин жевать дерево, или другое что-нибудь твердое, чтобы, непрестанно возбуждая во рту слюну, поддерживать свежесть уст и не давать губам пересыхать.

Лучшая драгоценность для женщин — добрые нравы, то есть сидеть больше дома, беседовать о Божием слове, заниматься тканьем и пряжей (это обязанность женщин), распределять работы служанкам и избегать с ними разговоров, на устах, на глазах и на ланитах носить узы, не часто переступать за порог своего дома, искать себе увеселений только в обществе целомудренных женщин и в одном своем муже, для которого ты с Божия благословения разрешила девственный пояс. Да и вольностям мужа полагай меру, чтобы тем самым уверить его, как далеко ты держишь себя от чужих мужчин.

Да погибнет тот, кто первый начал раскрашивать Божию тварь, потому что он первый примешал к краскам бесстыдство. Как иногда бесстыдные скоморохи, недостойные имени мужей, выставляют наружу изображение сокрытого внутри безобразия, и за сим, естественным образом, следуют у них пляски, гнусное кривлянье благообразных членов, нравящееся людям безрассудным, так и сии женщины, надев на себя снаружи чужой образ — этот смехотворный, а не священный покров стыдливости, предаются потом движениям, достойным своего испещренного лица. У них нет покоя ни дверям, ни ключам, ни зеркалам, ни притираниям, ни уборщикам; весь дом приходит в содрогание. И все это от тщеславного желания расписать себе лицо. Но целомудренная красота, которая не знает убранств, не требует и таких беспокойств. Если же ты столько гордишься накладной красотой, то не можешь иметь и здравого понятия о красоте неподдельной. Привлекательна была наружность у Есфири, но что было плодом ее чрезвычайной красоты? Спасение целого народа. Расписывала себе некогда очи зверонравная блудница Иезавель и блуднической кровью омыла свои студодеяния. Но от тебя не требуют утолять гнев царя, тебе нет доли и с блудницами: береги же свое целомудрие.

Как не приходишь ты в трепет, когда преклоняешь перед иереями свою голову — это позорище, на котором появляются разные личины? Как не содрогнутся эти руки, которыми ты расписывала свою достойную слез красоту и которые потом простираешь к таинственной Снеди? Даже и к мученикам, в память которых усердный народ, чья драгоценную кровь, составляет хвалебные лики, являешься ты с лицом, обольщающим многих, подобно торжищному шуту, который влечет за собой по городу толпу, или подобно укротителю

зверей, который из темных нор вытаскивает змей? Послушайся моих советов, женщина, и не поддавайся мысли накладывать руку на лицо свое. С такими женщинами, дочь моя, не плавай на одном корабле, не ходи на общий совет, не живи под одной кровлей. Другим предоставь излишества, а ты бойся и похвалу выслушать из уст мужчин, — в этом слава женщин.

Если жизнь твоя совершенно свободна от уз, живи для одного Христа, отказавшись от всего, будь светлой, мудрой, рассудительной девой и чистым женихом своего сердца имей Слово. А если овладела тобой любовь к тому ребру, от которого ты отделена, то и заботься об этом одном милом ребре, питая к нему добрую, благородную, а не порочную любовь; с другими же страстями не будь знакома и во сне. И ты предстоишь великому Богу и не скроешься, если что-нибудь изнеженное примешаешь к низкому. Много свидетелей на то, что и при грязных одеждах возможна неблагоприличная роскошь, а при пышных — благопристойность. Знай, что для тебя важнее один рубец, нежели самые глубокие раны для миролюбцев. Уважай бисер. Капля не так заметна на замаранной, как на чистой и одноцветной одежде.

Если убедил тебя этим, то доставил тебе пользу. А если ты решилась устоять в своем, то вдвое еще блистай, когда хочешь, и золотом, и янтарем, и серебром, и слоновой костью. Дозволяю это новописанным красотам. А у меня приготовлен столп, и я сделаю на нем надпись: приходи сюда всякий, кому угодно, и любуйся этой красотой.